

УТВЕРЖДАЮ

Директор
Института всеобщей истории РАН,
член-корреспондент РАН

М.А. Липкин

« » марта 2026 г.

Отзыв ведущей организации

на диссертацию Растегаевой Марии Николаевны «Римская amicitia на берегах Северного Понта: политика и пропаганда в I в. до н.э. – IV в. н.э.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки)

Актуальность и новизна представленной диссертации обусловлены применяемым в ней подходом. Анализ международных связей Древнего Рима через призму amicitia утвердился в науке сравнительно недавно, в начале XXI века, так что конкретное содержание amicitia все еще остается и, по всей видимости, долго будет оставаться предметом дискуссий. Несомненно, что у римской amicitia могут быть и региональные, и хронологические особенности. В этой связи цель диссертации – «выявить специфику отношений римской amicitia в Северном Причерноморье в период с I в. до н.э. по IV в. н.э. и всесторонне изучить ее развитие в контексте трансформации римской государственности и внешней политики» (с. 3) – представляется актуальной. Использование этого подхода в диссертации можно только приветствовать.

Исследование М.Н. Растегаевой состоит из введения, основной части из трех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений, двух приложений с таблицами и иллюстрациями. В основной части структурно прослеживаются задачи, которые поставила перед собой автор диссертационного исследования. Ее первая глава посвящена римской amicitia, ее сущности, вариациям, возникающим при отношениях с разными правителями, формированию amicitia Caesaris. Автор приходит к выводу, что престижность статуса «друга римского народа» возрастала в эпоху Республики и Империи как у греческих полисов и эллинистических правителей, так и у народов римской периферии. В работе справедливо отмечается, что этот статус использовался в пропагандистских целях не только римлянами, но также их союзниками и друзьями. Механизмы и проявления дружеских связей между ними, как убедительно показала автор работы, проявлялись, главным образом, в виде обмена подарками и благодеяниями.

Во второй, самой объемной, главе реконструируются отношения Рима с Боспорским царством. На основе анализа титулатуры и монетной чеканки выделено пять этапов развития их взаимоотношений. М.Н. Растегаева стремится показать, что Рим был крайне заинтересован в установлении дружеских отношений с Боспорским царством ввиду его важного стратегического

положения на римских границах. Эта заинтересованность, по мнению автора работы, проявилась в содействии установлению внутривосточного порядка и стабильности, а также, что представляется все же достаточно спорным, в помощи и содействии при строительстве укреплений на хоре. На втором этапе в титулатуре боспорских царей закрепляются эпитеты *φιλόκαισαρ* и *φιλόρωμαίος*. Это, с точки зрения автора, указывает на официальный статус боспорских царей как друзей римского народа. По мнению автора диссертации, монетная чеканка и сведения эпиграфики свидетельствуют об углубляющейся романизации боспорских правителей. Начиная с Котиса I, цари Боспора принимают титул «пожизненный верховный жрец императора», что для Боспорского царства является уникальным прецедентом. В работе отмечается, что на следующем этапе развития царской титулатуры этим титулом обладали не все цари, а на этапе, который приходится на кризисный для Римской империи период, данный титул пропадает вовсе.

Третья глава посвящена исследованию того, каким образом в надписях Северного Причерноморья используется термин *σεβαστόγυνωστος*, т.е. «известный Августам». Автор приходит к выводу, что в случае с Ольвией этот эпитет (появившийся не ранее середины I в. н.э.) был связан с представителями аристократии, которая возвысилась в период «второго основания» города после гетского разгрома. По мнению Растегаевой, этот эпитет свидетельствовал об определенном социальном статусе его обладателя, а значит, и о положении города в системе римского мира. В Боспорском царстве им также пользовались некоторые высшие должностные лица и ряд представителей боспорской верхушки. Несмотря на его очевидный политический подтекст этого термина, автор предлагает оценивать его как «региональную лексическую традицию» (с. 261) надписей Северного Причерноморья и Вифинии. В Заключении автором подробно изложены основные выводы работы.

Значимость полученных автором диссертации результатов для отечественной науки определяется ценностью проведенного исследования и выводов. К сильной стороне диссертационного исследования следует отнести владение широким кругом источников, который включает нарративную традицию, многочисленные данные эпиграфики и нумизматики, а также хорошее знание исследовательской литературы. Разделы, посвященные источникам и историографии, свидетельствуют о понимании автором нюансов исследования темы. В диссертации подробно и основательно изложена критика концепции римской внешней политики Э. Бэдиана и выводов, которые были сделаны последующими учеными. По мнению автора, эта полемика повысила интерес исследователей к *amicitia* как инструменту римской внешней политики. Автор работы дает подробную характеристику современного состояния исследований поднимаемой им проблемы, что подтверждает актуальность диссертационной работы. Используя публикации других ученых, М.Н. Растегаева активно работает с эпиграфическим материалом. Она успешно систематизирует надписи в соответствии с задачами работы, так что

предложенные ею классификации могут быть интересны последующим исследователям. О тщательной работе с источниками свидетельствует Приложение и подборка источников. Все это позволяет говорить о **научной и практической ценности** данной работы. Выводы автора, основанные на добросовестном анализе источников и литературы, **могут быть использованы** при реконструкции как международных отношений в Средиземноморье, так и в Северном Причерноморье в указанный период. Они представляют ценность для сравнительно-исторических построений, посвященных истории дипломатии и международных отношений. К ним можно обращаться в исследовательских работах и при преподавании курсов, затрагивающих соответствующие сюжеты.

Несмотря на очевидные достоинства диссертации, следует указать на ее некоторые недостатки и спорные положения:

1. Поскольку диссертационное исследование озаглавлено «Римская *amicitia* на берегах Северного Понта: политика и пропаганда в I в. до н.э. – IV в. н.э.», следует обратить внимание на то, что термин «пропаганда» полностью автором не раскрыт и не обоснован. М.Н. Растегаева вообще пользуется им крайне редко. Под «пропагандой» она понимает распространение любых сведений, касающихся дружбы и политики императоров, царей, римских военачальников и т.п. Однако такие сведения должны соответствовать определенной идеологии, отражать или формировать какие-то ценности. Это не единственное определение «пропаганды» в том ракурсе, в котором автор рассматривает сложные вопросы «дружбы» в международных отношениях того времени. К проблемам, связанным с этим явлением, относится соотношение понятий «пропаганда» и «связи с общественностью», «пропаганда» и «самопрезентация», что как раз подразумевает формирование публичных образов, о которых автор пишет в третьей главе применительно к причерноморской знати. При использовании термина «пропаганда» автору не помешали бы более подробные комментарии и пояснения конкретных ее целей и проявлений.

2. Говоря об *amicitia* как политическом явлении, автор концентрируется преимущественно на анализе этого термина как ценностной категории. Между тем, несмотря на замечание автора диссертации, что античное общество не знало международного права (с. 3), следовало бы все-таки оговорить, что у римлян существовало *ius gentium* – право народов, для которого был актуален принцип добросовестности – *bona fides*. Обращение к этому сюжету позволило бы иначе взглянуть на корни римской внешнеполитической *amicitia*, в которой автор, вслед за Э. Грюэном, в большей степени видит копирование эллинистических практик, минимизируя влияние римской правовой культуры (с. 62).

3. Автор работы не выделил фракийских царей одрисской и сапейско-астейской династий, которые поддерживали разных римских полководцев во время Гражданских войн и правили при первых римских императорах династии Юлиев-Клавдиев. Их отношения с Римом строились на классических принципах *amicitia*: царь Реметалк III имел титул «друг цезаря» (SEG XVII 381), а на

монетах, как и на Боспоре, чеканились портреты императора и царя. Из поля зрения М.Н. Растегаевой выпали и такие интересные факты, как включение императором Августом Полемона I, вассала и друга Марка Антония, в списки друзей римского народа (ср. надпись Полемона из Зелы). Следовало бы упомянуть также монеты каппадокийских царей Ариобарзана I и Ариобарзана III Филоромеев, которые имели тесные личные отношения с римскими государственными деятелями (Simonetta 1977, 40–44). Титул «друг римлян» у боспорского царя Асандра указывает на то, что его признал царем император Август. Это подтверждает псевдо-Лукиан.

4. Чтобы подтвердить справедливый вывод автора диссертации, что *φιλία καὶ συμμαχία* – это не договор о дружбе с римлянами, а договор как результат установления дружественных отношений, следовало бы упомянуть и проанализировать термины *φιλανθρώπιος* у киликийских Таркондимотов и *φίλοςέβαστος* у различных представителей провинциальной элиты римских провинций. Они показывают личные дружеские связи, благодаря которым распространяли влияние римские власти: личная дружба могла стать основанием не только для договора о дружбе и союзе, но и для включения в списки друзей римского народа и императора.

5. Автор работы указывает, что не совсем ясно, кто из сыновей Митридата Евпатора правил Боспором до Махара (с. 119). Между тем, из сообщения Плутарха в биографии Суллы следует, что до Махара правил Митридат Младший – старший сын Митридата VI. Это подтверждало наследственные «отеческие» права понтийского царя на Боспор и Колхиду. Махар не мог иметь официальный договор с Римом, а полная власть и право на заключение договора принадлежали самому Митридату VI. Диссертанту следовало бы учитывать это при анализе политики Махара (с. 119–121).

6. Автор работы не считает возможным говорить об оппозиции боспорцев при Махаре, однако массовая казнь и наказание Митридатом Евпатором сторонников Махара в Пантикапее говорит об обратном. Оппозиция понтийскому господству там была достаточно сильная и затронула верхушку боспорского общества.

7. Версия, что матерью Махара была Стратоника, наложница его отца, не имеет поддержки в источниках (с. 126). Если бы это было так, то Митридат не считал бы Фарнака своим преемником, т.к. Стратоника была подвергнута обструкции за сдачу укреплений и казны царя в Малой Армении.

8. Вывод С.Ю. Сапрыкина – Фарнак стремился предстать перед Помпеем другом и союзником римского народа, коим тот его сделал в 63 г. до н.э. – кажется М.Н. Растегаевой слишком «вольным» (с. 127). Однако далее она отталкивается в своих построениях именно от этой идеи.

9. О посольстве Гедика фанагорийца в Рим якобы в 63 г. до н.э. говорить однозначно не представляется возможным. Его захоронение было сделано вместе с погребением переводчика аланов Аспурга, которое относится к более позднему, уже императорскому времени.

10. Посвящение Фарнака из Артезиана и его титулатура в восстановлении В.П. Яйленко оспаривается (ПИФК 2025, № 4), содержание самой надписи пересмотрено.

11. Должность Асандра на Боспоре – эпитроп, оставленный Фарнаком в качестве наместника на время его отсутствия – нисколько не противоречит должности этнарха, которую он исполнял при Фарнаке. Он официально считался таковым в Риме до утверждения его царем при Августе. Поэтому усматривать здесь противоречие, как у диссертанта, неправомерно.

12. Утверждение диссертанта, что правление Асандра совпадает с правлением Динамии в конце жизни, что якобы подтверждается надписью КБН 30, сомнительно: эта надпись относится к более раннему времени (не ранее и не позднее 20-х годов до н.э.), ибо в 20 г. до н.э. Динамия выпустила статер со своим титулом и датой по эре Митридатидов как единодержавная правительница, а Асандр не ранее 27 г. до н.э. получил официальное подтверждение царского титула от Августа. Это исключает постановку совместной надписи Асандра и Динамии в 20 г. до н.э.

13. В надписи Хрисалиска упоминается не Асандрох, а Асандр (с удвоением гласной Асоандр). Старая точка зрения, что Асандрох и Асандр – это разные правители, на чем настаивает автор работы, в настоящее время отброшена, так как имя Асандрох – иранизация эллинского личного имени Асандр.

14. Линия укреплений и система укрепленных поселений на Европейском и Азиатском Боспоре никак не могла быть построена при содействии римлян. Как показывают археологические исследования, особенно раскопки башен на Узунларском валу и таманские батареи, включая батареи в Прикубанье, эти митридатовские и асандровы укрепления прекратили существование при Полемоне, ставленнике римлян, в конце I в. до н.э. Поэтому его поход против Танаиса и аспургиан, связанный с попыткой ликвидации этих укреплений как опоры власти Динамии-Асандра-Аспурга, противоречит утверждению, будто эти укрепления были воздвигнуты при содействии римлян.

15. Вряд ли уместен скепсис автора по поводу тезиса М.И. Ростовцева, что «митридатовские традиции и дружба с Римом образуют противоположность». Он, полагает автор работы, уязвим и не оправдан, бездоказателен, а археология и эпиграфика служат тому подтверждением (с. 36). Диссертант совершенно не принимает во внимание, что римская политика способствовала сохранению на престоле Фарнака, Асандра, особенно Динамии и Аспурга, именно вследствие проведения ими промитридатовской политики, которая сопровождалась дружбой с римлянами и лично с римскими полководцами (Помпеем, Цезарем) и императорами. Вообще при опровержении того или иного положения предшественников мы бы ожидали от автора не сомнений, а конкретных аргументов.

16. Разбирая договор понтийского царя Фарнака I и Херсонеса Таврического, автор упускает из виду, что в нем содержатся

взаимодополняющие формулировки, характерные для договоров о дружбе и союзе: Херсонес обязуется оказывать помощь Фарнаку в случае нападения противников, и Фарнак дает клятву сделать то же самое. Разбирая такого рода договоры, следовало бы подробнее привести условия foedus Рим-Каллатис I в. до н.э. (с. 80) – образец взаимоотношений Рима с полисом, когда более слабый партнер пытается добиться защиты со стороны более сильного, скрывая данное стремление за взаиморавноправными формулировками о помощи и содействии.

17. В Заключении неуместными выглядят очередные пояснения, какие задачи автор перед собой ставит, а какие не ставит. Все это уже указано во введении.

18. В разделе с характеристикой источников приводятся рассуждения Ю.Г. Виноградова, безусловно уважаемого ученого, об использовании данных археологии для исторической реконструкции (с. 24). Но при этом ни про какие конкретные археологические памятники в этом разделе не сказано вообще. Автор ограничивается рассказом о том, как работают и публикуют данные археологи. М.Н. Растегаева использует археологические данные недостаточно, особенно в разделах, касающихся Боспора, в частности, при рассуждениях автора о проблеме аспургиан. Так, не принимается во внимание, что археология поселений и некрополей на Тамани, в Прикубанье, окрестностях Анапы и Новороссийска подтверждает, что укрепленные поселения принадлежали меотосиракам, которых цари Боспора (Асандр, Аспург и др.) привлекали для несения военной и сторожевой службы, расселяя на царской хоре как катойков.

19. Античные источники не всегда снабжены переводами (см., например, с. 56–57). При анализе сведений римских писателей и греческих авторов римской эпохи надо принимать во внимание, что в императорское время в исторических трудах преобладал пиетет по отношению к Риму и римлянам, отсюда преувеличение значения побед и внешнеполитических успехов, восхваление римских властей и полководцев, что требует более критического подхода к историческим свидетельствам. Это особенно относится к сочинениям Аппиана, Плутарха, Диона Кассия – тех авторов, которые использовали римскую официальную традицию, даже Страбона, сведения которого о Боспоре (вставки в его труд времени Аспурга) зависели от показаний царицы Пифодориды, с которой он имел беседы в Понте. Автор данной работы не учитывает этот важный аспект.

20. Автор утверждает, что «при рассмотрении сведений античных авторов используется сравнительно-текстологический метод». Он предполагает непосредственную работу с рукописями античных авторов, однако в диссертации это не прослеживается. Напротив, при описании источников автор ставит ссылку только на русский перевод (это касается Страбона, Геродиана, Аммиана Марцеллина, Лукиана, Овидия, Фронтин – с. 15–17), что несколько дезориентирует читателя. Разделу «методологические основы диссертации» не хватает последовательности. Специфические подходы вроде

«транснационального» даны одним предложением, хотя тут хотелось бы увидеть дополнительные пояснения автора.

21. Стиль автора работы местами излишне публицистичен, нередко встречаются неудачные выражения. Вопросы вызывает формулировка положения, выносимого на защиту «Amicitia не была ни неизменно данной, ни рационально предопределенной составляющей внешней политики Рима» – как будто бы существуют неизменно данные социальные явления. Непонятно, что имеет в виду автор под выражением «коммерческие экспедиции» (с. 24). Для характеристики «Деяний божественного Августа» автор выбирает слово «коммюнике» (приводится его французское написание communiqué, правда, без диакритического знака (с. 109). Учитывая наличие у «коммюнике» очень конкретного значения «официальное сообщение по вопросам международного значения», этот выбор не представляется удачным: ни по содержанию, ни по целям «Деяния» не сводятся к описанному явлению. В работе то и дело приводятся апелляции к разного рода авторитетам – от мнений отдельных исследователей до Фридриха Великого (с. 85); представляется, что в тексте диссертационного исследования злоупотребление таким приемом смотрится неуместно. Зачастую эти вставки отвлекают от сути исследования. Местами отсутствует единообразие: проект «Amici populi Romani» переводится то как «Иностранные друзья Рима» (с. 22), то как «Внешние друзья Рима» (с. 32). Автор придает этому проекту очень большое значение. Это справедливо, но надо учитывать, что в отношении Боспора его авторы полностью опираются на разработки отечественных ученых, а сам проект (как и работы Д. Браунда) направлены в первую очередь на западную аудиторию, плохо знакомую с русскоязычной литературой.

22. Список использованной литературы, безусловно, обширен, но некоторые работы стоило бы учесть, в частности, диссертацию Г.Л. Криволапова «Между Западом и Востоком: Марк Антоний, восточные римские города и цари-клиенты», защищенную в 2024 г. в МГУ. Отсутствует в списке литературы и важная работа Н.А.М van Wijlick. *Rome and The Near Eastern Kingdoms and Principalities, 44-31 BC. A Study of Political Relations during Civil War.* Leiden/Boston, Brill, 2013, в которой подробно разбираются вопросы amicitia = φίλοῤῥατοῖος в системе вассальных отношений государств Переднего Востока и Рима. Для современного уровня исследования лучше давать ссылки на немецкое издание книги В.Ф. Гайдукевича “Das Bosporanische Reich” Berlin/Amsterdam 1971 и на английскую более полную версию работы М.И. Ростовцева “Iranians and Greeks in South Russia” Cambr. 1922. Непонятно, почему автор не упомянула работы В.М. Зубаря, также посвященные исследуемой ею теме. Говоря о найденном в Фанагории корабельном таране, следовало учесть точку зрения С.Ю. Сапрыкина (см. статью в материалах Сергеевских чтений: Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 4, с. 130–140). На с. 143, говоря о датировке надписи Аспурга из Горгииппии, автор ссылается на М.М. Чорефа. Это следует сопроводить указанием, что дата этой надписи 19 г. н.э. была правильно

определена еще С.Ю. Сапрыкиным (см. Боспорские чтения XX 2019). Автору следует ознакомиться с новыми подходами к монетному делу Полемона, Аспурга и Динамии по работам С.А. Коваленко (ДБ 2025), М.М. Чорефа, С.Ю. Сапрыкина (БФ 2025).

В целом М.Н. Растегаева, несмотря на высказанные замечания, пожелания и неточности, а также некоторые спорные положения, показала неплохое знание предмета, проявила начитанность и умение анализировать источники и литературу. Однако при доработке текста диссертации, при написании статей и, возможно, при подготовке монографии в будущем автору следует учесть замечания, которые высказаны на страницах данного отзыва.

Основные положения и выводы диссертационного исследования М.Н. Растегаевой прошли необходимую апробацию в виде докладов на различных конференциях всероссийского уровня и получили отражение в 9-ти публикациях автора, 3 из которых опубликованы в журналах, включенных в Перечень ВАК. Автореферат диссертации адекватно передает ее содержание. Таким образом, можно заключить, что диссертация «Римская amicitia на берегах Северного Понта: политика и пропаганда в I в. до н.э. – IV в. н.э.» представляет собой исследование актуальной научной проблемы, характеризуется новизной, теоретической и практической значимостью, содержит обоснованные и достоверные положения и выводы, отвечает требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ №842 от 24.09.2013 г. (в действующей редакции), а ее автор, Растегаева Мария Николаевна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки). Отзыв подготовлен Кирилловой Марией Николаевной (специальность 07.00.03), кандидатом исторических наук, научным сотрудником Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. Отзыв заслушан и обсужден на заседании Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории Российской академии наук 25 февраля 2026 г., протокол № 1. Присутствовали на заседании Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций 14 человек. Результаты голосования: за – 14, против – нет, воздержавшихся – нет.

25.02.2026 г.

Заведующий Отделом
сравнительного изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН
к.и.н., с.н.с. Святослав Викторович Смирнов

Сведения о ведущей организации:
Почтовый адрес: 119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А.
Тел.: +7 (495) 938-13-44
Эл. почта: dir@igh.ru

Заведующий отделом кадров
ИВИ РАН